

С.С. Егорова
S.S. Egorova

**О ЛЕКСИЧЕСКОМ ПРОСТОРЕЧИИ В РАССКАЗЕ
Н.В. УСПЕНСКОГО «ХОРОШЕЕ ЖИТЬЕ» (1858)**

**ABOUT THE LEXICAL VERNACULAR IN THE STORY
OF N.V. USPENSKY "THE GOOD LIFE" (1858)**

Со становлением реалистического метода в литературе в середине XIX века внимание писателей с грамматически выверенного и благозвучного авторского слова стало смещаться на социально детерминированную речь. В статье на материале рассказа Н.В. Успенского «Хорошее житье» анализируются особенности речи простых людей, исследуются состав и объем лексического просторечия в их дискурсе. Определяется семантика просторечия (как формы существования языка) применительно к середине и второй половине века. Проведенный анализ позволяет заключить, что просторечие для персонажей является единственно возможным способом речевого общения, усвоенным с детства и коммуникативно успешным в разных ситуациях. Просторечие коннотативно передает информацию о социальном статусе говорящих, их образовании, территориальной принадлежности. В статье представлен состав лексического просторечия на основе классификации лексики в «Русском семантическом словаре» под общей редакцией Н.Ю. Шведовой. В качестве лексикографических источников были использованы словари середины и второй половины XIX века: «Словарь церковнославянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии наук» (1847) и «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля (1863–1866).

В рассказе Н.В. Успенского персонажи – крестьяне, и спектр тем, поднимаемых в диалогах, полилогах, монологах, характер рассуждений и манера общения дают наглядное представление о том, из чего складывается жизнь и быт крестьянства. Точка зрения целовальника, для которого выгодно спаивать деревенских жителей, искажает облик русского крестьянина. По отношению к крестьянину название рассказа «Хорошее житье» звучит как горькая усмешка.

Ключевые слова: просторечие, простонародное, сниженная лексика, социально маркированная речь, народная речь, разговорная речь, Н.В. Успенский.

With the formation of the realistic method in literature in the mid-19th century writers began to shift their focus from grammatically correct and melodious authorial language to socially determined speech. In this article based on N. Uspensky's short story "A Good Life" we analyze the characteristics of ordinary people's speech and explore the composition and scope of lexical vernacular/vulgar in their discourse. We also examine the semantics of vernacular

(as a form of language) in relation to the mid-19th and late 19th century. The analysis makes it possible to conclude that vernacular words seem to be the only possible way of communication for the characters, which they have learned since childhood and which is successful in various situations. Colloquial speech conveys information about the social status, education, and territorial affiliation of the speakers. The article presents the composition of lexical vernacular/vulgar speech based on the classification of vocabulary in the Russian Semantic Dictionary, edited by N. Shvedova. Dictionaries of the middle and second half of the 19th century were used as lexicographic sources of information on stylistic characteristics: The Dictionary of Church Slavonic and Russian compiled by the Second Department of the Imperial Academy of Sciences (1847) and the Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language by V. Dahl (1863–1866).

The characters of N. Uspensky's story are peasants, and the range of topics discussed in the dialogues, polylogues, and monologues, as well as the nature of the reasoning and communication style provide a clear understanding of the life and daily routines of the peasantry. Point of view of the tallow-maker, who benefits from getting the villagers drunk, distorts the image of the Russian peasant. In relation to the peasant the title of the story "A Good Life" carries a bitter undertone.

Keywords: vulgar words, vernacular words, reduced vocabulary, socially marked speech, folk speech, colloquial speech, N. Uspenskiy.

DOI: 10.24888/2079-2638-2026-69-2-83-90

В статье предлагается описание лексического просторечия в рассказе Н.В. Успенского «Хорошее житье». Проведенный стилистико-семантический анализ речевых партий персонажей с учетом коммуникативных ситуаций, тематики диалогов позволяет выявить черты языковой картины мира русского крестьянства, выражаемой просторечием.

Выбор литературного произведения для анализа обусловлен фигурой самого писателя, хорошо знавшего быт и нравы крепостной деревни. В рассказах Н.В. Успенский изображает беспросветную нищенскую жизнь простого народа. Он сблизил «жанр рассказа из народной жизни с очерком и диалогической сценкой», доверил «повествование человеку из народа – крестьянину», благодаря чему его произведения звучали остросоциально и достоверно [4, 386]. Персонажи рассказа «Хорошее житье» – люди «бесцветные, лишенные инициативы», которые «одинаково живут день за день, не умея сами взяться ни за что новое...» [8, 876–877].

В рассказе использован прием перепорученного повествования. В начальных предложениях третьеличный повествователь знакомит читателя с двумя персонажами – целовальником Андреем Фадеичем и кошкарем Иваном Ивановичем (целовальниками с XIX века назывались продавцы вина в кабаках, которые в знак обещания не разбавлять вино целовали крест; целовальником мог стать в том числе мещанин, купец, государственный крестьянин; кошкарями именовались торговцы, которые ездили по деревням и обменивали мелкий товар на кошек и собак). Эти предложения выдержаны в рамках языковой нормы. Дальнейшее повествование ведется от лица Андрея Фадеича на просторечии; по большей части оно представляет собой монолог – фрагменты воспоминаний о бытности героя кабатчиком. Речь его собеседника, Ивана Ивановича, представлена отдельными репликами, цель которых – стимулировать продолжение рассказа, но и они содержат просторечные черты. В ряде эпизодов целовальник воспроизводит слова других персонажей. Просторечие в рассказе – это естественная речь его носителей.

В.В. Виноградов писал о том, что в XVIII – начале XIX вв. «понятие просторечия как будто является родовым по отношению к разновидностям простой речи, обозначаемой выражениями: низкое просторечие, низкий слог, низкое

слово, простое употребление, простое наречие и т.п.» [1, 233]. В «Словаре церковнославянского и русского языка, составленном вторым отделением Императорской Академии наук» (1847) (далее также – СЦСРЯ) просторечие было определено как «простой обыкновенный разговор» [5, т. 3, 556]. В статье «Толковые словари русского языка» В.В. Виноградов писал о перемещениях слов из простого слога в «разговорно-литературную речь» на протяжении XIX века. В СЦСРЯ просторечие – это «фамильярный стиль устной городской речи» [2, 221]. Сверх того, в СЦСРЯ представлена «широкая область простонародного языка. К ней относятся не только крестьянская и мещанская лексика, но и фамильярно-вульгарные слова, а также частично словарь народной поэзии» [2, 222]. По мнению К.А. Войловой, «противопоставленность простонародному в лексикографии и языке художественной литературы» препятствовала процессу «становления *собственно просторечия* (как стилистической категории)» [3, 113]. В рамках данной статьи просторечие двояко: и как родовое понятие, и как стилистическая категория.

Просторечие персонажей рассказа «Хорошее житье» характеризуется многочисленными отклонениями от норм литературного языка, оно насыщено грубыми словами, диалектизмами, имеет маркеры на всех языковых уровнях (фонетика, лексика, словообразование, морфология, синтаксис), вбирает в свой состав значительное количество пословиц и поговорок. Просторечная и простонародная лексика метка, точна и лаконична; она легко визуализируется, поскольку за ней, как правило, стоит конкретный образ. Ниже приводится состав лексического просторечия в рассказе «Хорошее житье» с опорой на классификацию лексики, представленную в «Русском семантическом словаре» под редакцией Н.Ю. Шведовой. Стилистические пометы приведены в соответствии с СЦСРЯ как наиболее близким ко времени написания рассказа лексикографическим источником. В СЦСРЯ, с его ориентацией, многие слова из рассказа «Хорошее житье» отсутствуют либо отсутствует ожидаемая помета. Часть таких слов имеется в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля (далее – ТСЖВЯ), иногда с пометой о месте распространения (кур., тмб, смл. и пр.).

- Слова, именующие признак процессуальный (глаголы):

1. Глаголы со значением собственно активных действий, а также со значением мыслительной и эмоциональной деятельности:

- а) мысль, чувство, воля:

– *чухать* (**прн.** в СЦСРЯ): «Я тебе докладывал, что так и чухают, с кого бы сорвать выпивку?»;

– *облапить* (**нейтр.** в СЦСРЯ): «А как разведаль, что его жеребенка пропивают, облапили его за шею...»;

– *смекасть* (**нейтр.** в СЦСРЯ): «Сидят они супротив кабака на срубленном дубу и говорят о чем-то; смекают, должно, дерябнуть...»;

- *понукивать* (**нейтр.** в СЦСРЯ): «Староста похаживает посередке, понукивает...»;

– *заприметить* (**прн.** в СЦСРЯ): «Хорошо, Ахрем, как велит бог дойти до своего города, я заприметил, что ты пить воду бестолков»;

- б) поведение, контакты, информация:

– *баять* (**прн.** в СЦСРЯ): «Я ж вам баю, у меня вот до чего дошло: хлеба скоро не будет!»;

- *вякать* (**прн.** в СЦСРЯ): «Староста дал ему в спину, чтоб попусту не вякал»;

– *горланить* (**в прр.** в СЦСРЯ): «Горланишь: "Соли, дегтю, табаку, мол, лежит баба на боку"»;

- *гнать околесицу* (**нет значения** в СЦСРЯ): «Врет! вишь, гнет экая околесицу...»;

– *расчагокаться* (**отсутствует в СЦСРЯ и в ТСЖВЯ**): «Главная сила, любопытно смотреть на них, как расчагокаются, как расчагокаются, берись за бока да покачивайся»;

– *поддеть* (**нейтр.** в СЦСРЯ): «...у хозяина поддели на Егорьев день пудов шесть сахару, чистого рефинаду»;

- *объегорить* (**отсутствует в СЦСРЯ**, в ТСЖВЯ – *нвг., прм., кур.*): «...как бы дерябнуть где да как бы объегорить кого!»;
- *дерябнуть* (**отсутствует в СЦСРЯ**, в ТСЖВЯ – с пометами *влг., ряз.*): «Первым делом Покровский мужик... чухает: как бы дерябнуть где да как бы объегорить кого!»;
- в) движение и перемещение в пространстве:
 - *улепetyивать* (**прн.** в СЦСРЯ): «Воров мужики больно презирали: попался вор, аминь! лучше улепetyивай куда подальше...»;
 - *шляться* (**прн.** в СЦСРЯ): «Одно слово, день-деньской шляются, то и норовят, как бы попьанствовать, взогреть кого»;
 - *переть* (**нейтр.** в СЦСРЯ): «Грязь на улице, ó – ничего! прут гурьбой»;
 - *привалить* (**нейтр.** в СЦСРЯ): «С чем привалил...»;
 - *вдариться* (**отсутствует в СЦСРЯ**): «Отошел чудок, да как вдарится к кабаку...»;
 - г) физические действия:
 - *бухать* (**нейтр.** в СЦСРЯ): «Вор бросился бухать в ноги то тому, то другому»;
 - *цопать* (только «цапать» – **нейтр.** в СЦСРЯ, в ТСЖВЯ – *тмб, смл.*): «...у меня передки от водовозки стоять, цопай их сюда...»;
 - *куделить* (**отсутствует в СЦСРЯ**, в ТСЖВЯ – без обл. помет): «Схватила его, давай куделить...»;
 - *отхолить* (**нет значения в СЦСРЯ и ТСЖВЯ**): «Да неизвестно, пойдет ли дело в ход; а то правого и виноватого отхоят ...»;
 - *трескать* (**прн.** в СЦСРЯ): «Врет! вишь, гнет экося околесицу: трескать нечего!»;
 - *жрать* (**нейтр.** в СЦСРЯ): «...у меня не токма что напоить всю деревню, – кажись, дома жрать нечего!»;
 - *наюзиться* (**прн.** в СЦСРЯ): «А староста успел наюзиться переж всех...»;
 - *нарезаться* (**прн.** в СЦСРЯ): «...в Анишине опять есть кабак и гульба такая же, как у нас: вчастью сам голова сберет мужиков к кабаку, на ихний счет нарежется и растянется...»;
 - *нализаться* (**отсутствует в СЦСРЯ**, в ТСЖВЯ – без обл. помет): «Точно; как нализался Еремка, все позабыл: играл пески напропалую»;
 - *населезениться* (**отсутствует в СЦСРЯ и ТСЖВЯ**): «... и сами бы населезенились, и товарищ был бы цел»;
 - *натесаться* (**нет значения в СЦСРЯ**, в ТСЖВЯ – *кур.*): «Народец эвотт чем больше пьет, то больше ожесточается, входит в настоящую силу: норовит натесаться до самого нельзя...»;
 - д) труд, занятия, отдых, развлечения:
 - *кошатничать* (**отсутствует в СЦСРЯ**, в ТСЖВЯ – без указания на обл.): «Брошу я кошатничать! наймусь-ко я себе в целовальники!».
 - е) общие обозначения: созидание, изменение, соединение, разъединение, локализация и пр.:
 - *присуседиться* (**прн.** в СЦСРЯ): «Он не отказывается; присуседился к ним».
 - 2. Бытийные глаголы – конец бытия:
 - *скочуриться* (**отсутствует в СЦСРЯ**, в ТСЖВЯ «окочуриться» с указание на *сарат. и смол.* обл.): «Он, глядь, под Ливнами попил воды и скочурился».
 - Слова, именующие предмет (имена существительные):
 1. Слова, именующие конкретный предмет → слова, именующие все живое:
 - а) названия лиц (по характерным признакам – по личным, общественным отношениям, по профессии, роду занятий, обращения, совокупности лиц):
 - *малка* (**прн.** в СЦСРЯ): «Ну, малка, как?»;
 - *матка* (**в прр.** в СЦСРЯ): «По мне... хочь на месте опеися... мне все равно; что я, matka али дядька их, что ли?»;
 - *бачка* (**отсутствует в СЦСРЯ**, в ТСЖВЯ – *ряз., кур., тамб., костр.* от 'батюшка'): «Дело твое, бачка, маленько с хвостиком...»;

- *гурьба* (**прн.** в СЦСРЯ): «Грязь на улице, – ничего! прут гурьбой»;
- б) животных:
 - *коняш/коняшка* (**отсутствует в СЦСРЯ**, в ТСЖВЯ в одном из случаев с пометой *ряз.*): «Вот оно что!.. прощай же, коняшка!», «Коняш, коняш!..»;
 - в) названия тела, организма, их частей, продуктов жизнедеятельности:
 - *башка* (**в прр.** в СЦСРЯ): «По правде сказать, пустая башка».
- 2. Слова, именующие отвлеченное понятие:
 - а) чувства, эмоциональные состояния, их проявления; свойства и склад личности; поведение и поступки:
 - *калянство* (**отсутствует в СЦСРЯ**, в ТСЖВЯ *каляный* в значении 'упрямый'): «Одно калянство, упрямость одна»;
 - б) бытийные ситуации, деятельностные состояния, положения вещей, сложившиеся жизненные обстоятельства, факты:
 - *смехота* (**отсутствует в СЦСРЯ**, в ТСЖВЯ – без указания на обл.): «Бывало, едешь, едешь с горшками али с дегтем, смехота, ей-богу!..»;
 - в) физические состояния и свойства живых существ, организмов:
 - *болятка* (**отсутствует в СЦСРЯ**, в ТСЖВЯ – только «боляток»): «Дьячок же петь вовсе не умел; за то, говорят, и отставили его, что уши в церкви драл до самой до болятки...».
 - Слова, именующие непроцессуальный признак:
 1. Слова, именующие признак предмета (прилагательное):
 - *забубенный* (**прн.** в СЦСРЯ): «Слободка порядочная; народ все однодворцы, такие забубенные головы...»;
 - *брюхата* (**нейтр.** в СЦСРЯ): «...никак человек шесть детей имел, мал мала все меньше, жену (она в то время была брюхата)...»;
 - *толстобрюхой* (**нейтр.** в СЦСРЯ): «А хозяин, тресни его бока, все расписал про меня; вся причина, толстобрюхой вникнуть не мог, как было дело...»;
 2. Слова, именующие ситуативные состояния (предикатив):
 - *не надыть/надыть* (**нет в СЦСРЯ**, в ТСЖВЯ – *твер.*): «...этого тоже надыть уботворить...», «...не надыть: вор захочет, все сделает...».
 - Слова, собственно квалифицирующие (модальные слова, частицы, междометия):
 - *шмыг*, от *шмыгать* (**прн.** в СЦСРЯ): «Вот Еремка-запевало видит, что до него очередь доходит – шмыг замок в сторону... отбросил»;
 - *кажись* (**отсутствует в СЦСРЯ**, в ТСЖВЯ – *сев. и вост.*): «...у меня не токма что напоить всю деревню, – кажись, дома жрать нечего!»;
 - *ишь* (**отсутствует в СЦСРЯ**, в ТСЖВЯ – без указания на обл.): «Ишь парит как!»;
 - *нешто* (**прн.** в СЦСРЯ): «Баба дура, нешто она понимает!»;
 - *небось/небойсь* (**прн.** в СЦСРЯ): «...законодатель, вишь, пришел; до тебя небойсь жил целовальник, не токмо телят, лошадей принимал», «А что, небось теперь давно журавли прилетели?»;
 - *авось* (**нейтр.** в СЦСРЯ): «Лучше авось не сыщут»;
 - *экося* (**отсутствует в СЦСРЯ**, в ТСЖВЯ – «экосе»): «Врет! вишь, гнет экося околесицу: трескать нечего!»;
 - частица *–от*, **прибавляемая к словам**: «Что значит замысловатый народ-от», «А за дуб-от я в тот же день дал пятачок свезть в город и получил билетиками три целковых»;
 - частица *–кася*: «Ну-кася, Руднев, следствуй трепака!»;
 - *незымь* (**отсутствует в СЦСРЯ**, в ТСЖВЯ – *кур.*, от «незаймать»): «Ну его, так его! туда ему дорога... поделом, незымь его разгуляется... незымь!»
 - Слова, собственно связующие:

– *кабысь/кабыть* (**отсутствует в СЦСРЯ**, в ТСЖВЯ – с перечнем областей): «Бачка и остался, кабысь несолоно хлебал», «А вор Еремка захмелел: кабыть ополоумил совсем, орет...»;

– *ан* (**в прр.** в СЦСРЯ): «Ан дело-то и сметили»;

– *али* (**прн.** в СЦСРЯ): «Бывало, едешь, едешь с горшками али с дегтем, смехота, ей-богу!...»;

– *одначе* (**отсутствует в СЦСРЯ**, в ТСЖВЯ – *зап., юж.*): «На что лучше – воры есть: одначе нет!»;

– *промеж* (**прн.** в СЦСРЯ): «А тут же промеж сходки кто цалуется, кто лезет к рылу с кулаками...»;

– *переж* (**нет в СЦСРЯ**, в ТСЖВЯ – «переже»): «А староста успел назюзиться переж всех...».

• Слова указующие:

– *кажинный* (**нет в СЦСРЯ** при наличии в ТСЖВЯ): «Кажинный почесть день гульба, кажинный день: подрался кто – выпивка!».

Состав семантических групп свидетельствует о преобладании в лексическом просторечии конкретных существительных, называющих человека по различным признакам: внешности, поведению, физиологическим особенностям, и глаголов, связанных с эмоциональной сферой, именующих физические действия, речевую деятельность, поведенческие особенности, движение, а также лексики, определяющей и оценивающей качество и степень чего-либо, выражающей отношение говорящего к содержанию высказывания (модальные слова, частицы, междометия).

Представленное в рассказе лексическое просторечие позволяет сформировать языковой портрет персонажей, сообщает об их социальном статусе и отсутствии образования. Языковые данные предоставляют сведения о месте проживания персонажей. Так, ряд слов в ТСЖВЯ отнесен к курскому говору. По топонимике рассказа угадывается место действия: соседняя губерния с Курской – Орловская, поскольку в тексте упомянуты такие географические объекты, как Покровское и Ливны, расположенные в этой области; также упоминаются деревня Анишино (сейчас она в Тульской области) и Тула, находящиеся в границах другого соседствующей с Орловской губернией субъекта.

В рассказе изображаются конкретные ситуации, разворачивающиеся на улицах села, в риге, в кабаке, в поле – в повседневном обиходно-бытовом пространстве деревенских жителей. В разговорах персонажей, сотканных из просторечных и простонародных слов, затрагиваются актуальные для них темы, как то:

– служба и работа (рассказ героя о службе в кабаке в Покровском, о службе приказчиком, работе торговцем и мечте вернуться к целовальничьей должности);

– приезд судей и отказ переносить кабак в другое место;

– назначение дня начала пахоты;

– погода и народные приметы, связанные с погодными явлениями (прилет журавлей – к потеплению);

– состояние земли перед весенними посевными работами;

– выбор сельского мужика в ратники;

– семейное и материальное положение возможных ратников;

– характер отдельных мужиков, опасения относительно возможной мести;

– о воровстве и поисках виновного;

– организация попойки и выбор мужика, за чей счет она будет, обсуждение имущества, которое можно отдать кабатчику в качестве платы;

– этикетные ситуации: приветствие («Здорово, кум». – «Здорово»), прощание («Ну, прощай». – «Прощай»), слова поддержки и пожелания («Бог помочь»);

– оценочные суждения (в частности, о целовальничьем «житье»).

Повседневная жизнь и повседневные заботы составляют мир крестьянской жизни. Показательны в рассказе многочисленные наречия времени: «теперь», «таперь», «теперича»,

«none», «завсегда», «вчастью», «перва», «переж», «напоследях», «запрежде» и др. Но этот мир деформируется и разрушается из-за пьянства: «Первым делом покровский мужик замешан вот на чем: как, значит, утро забрезжилось, заря еще не занималась, ни росинки во рту нет, глаз путем не прочистил, а уж чухает: как бы дерябнуть где да как бы обегорить кого!» [7, 61–62]. В лексикон рассказа входит внушительный перечень синонимичных глаголов со значением «напиться»: «назюзиться», «нарезаться», «населезениться», «нализаться» и пр. Мужик–землепашец и мужик–пьяница словно имеют разную мораль. Из рассказа целовальника видно, как крестьяне с легкостью предают друг друга, сообщая старосте и односельчанам, что, например, Федька Зобов на день раньше установленного вышел землю пахать; отдавая в ратники того, кто наиболее уязвим и безропотен (Ахрем, единственный кормилец большой бедной семьи, несет рекрутскую повинность от села, тогда как вора не решаются отправлять в ратники, чтобы по возвращении он не учинил мести).

Интерес кабатчика и торговца состоит в сугубо материальной выгоде, в том, чтобы нажиться любым способом. Ему выгодно спаивать мужиков, и то, что для них – временное удовольствие, а по существу – беда и горе, для целовальника – желанная работа, обеспечивающая нетрудное сытое существование. Андрей Фадеич характеризует такое свое «житье» как «оченно хорошее» («Да, хорошо, оченно хорошо было жить в Покровском. Вспомнить любо!»), и Иван Иванович решает тоже идти в целовальники, поскольку «такой жизни... нигде не слыхивал» [7, 72].

Н.В. Успенский неслучайно, конечно, использовал в названии рассказа яркое и емкое «житье» вместо литературного «жизнь». «Житье» – тот фокус, который вводит в рассказ разные точки зрения и сообщает ему глубокий художественный смысл. «Житье» в соответствии с определением СЦСРЯ – «образ жития в отношении к нравам и поведению» [5, т. 1, 410]. Для автора и повествователя «житье – это не жизнь, ибо в житье нет какой-либо духовной составляющей и иного смысла, кроме наживы и пьянства. Целовальник и мужик стоят по разные стороны «товарного обмена», но «хорошее житье» нравственно губит обоих.

1. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. М., 1982.

2. Виноградов В.В. Толковые словари русского языка // Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977, С. 206–242.

3. Войлова К.А. Судьба просторечия в русском языке: дис. д-ра филол. наук. М, 2000.

4. Зубкова К.Ю. Успенский Николай Васильевич // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь / гл. ред. Б.Ф. М.; СПб., 2019. Т. 6. С–Ч. С. 386–389.

5. Словарь церковно-славянского и русского языка / сост. Второе Отделение Императорской Академии наук: в 4 т. СПб., 1847.

6. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / [Сочинения] Владимира Даля. 3-е изд., испр. и знач. доп., изд. под ред. [и с предисл.] проф. И.А. Бодуэна-де-Куртенэ. СПб., М., 1903–1911.

7. Успенский Н.В. Хорошее житье // Успенский Н.В. Повести, рассказы и очерки. М., 1957. С. 59–73.

8. Чернышевский Н.Г. Не начало ли перемены? // Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений: в 15 т. М., 1950. Т. 7. Статьи 1860–1861 годов. С. 855–889.

1. Vinogradov V.V. Ocherki po istorii russkogo literaturnogo yazyka XVII–XIX vekov. M., 1982.

2. Vinogradov V.V. Tolkovye slovari russkogo yazyka // Vinogradov V.V. Izbrannye trudy. Leksikologiya i leksikografiya. M., 1977, S. 206–242.

3. Voylova K.A. Sud'ba prostorechiya v russkom yazyke: dis. d-ra filol. nauk. M, 2000.

4. Zubkova K.Yu. Uspenskiy Nikolay Vasil'evich // Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskiy slovar' / gl. red. B.F. Egorov. M.; SPb., 2019. T. 6. S–Ch. S. 386–389.

5. *Slovar' tserkovno-slavyanskogo i russkogo yazyka* / sost. Vtoroe Otdelenie Imperatorskoy Akademii nauk: v 4 t. SPb., 1847.
6. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka*: v 4 t. / [Sochineniya] Vladimira Dal'a. 3-e izd., ispr. i znach. dop., izd. pod red. [i s predisl.] prof. I.A. Boduena-de-Kurtene. SPb., M., 1903–1911.
7. *Uspenskiy N.V. Khoroshee zhit'e* // *Uspenskiy N.V. Povesti, rasskazy i ocherki*. M., 1957. S. 59–73.
8. *Chernyshevskiy N.G. Ne nachalo li peremeny?* // *Chernyshevskiy N.G. Polnoe sobranie sochineniy*: v 15 t. M., 1950. T. 7. *Stat'i 1860–1861 godov*. S. 855–889.

Информация об авторе

Светлана Сергеевна Егорова,
ГАО «Научно-исследовательский и проектный институт Генерального плана города Москвы» (Москва, Россия).
125047, г. Москва, 2-я Брестская улица, д. 2/14.
Главный специалист по организации конгрессных мероприятий, соискатель.
Научные интересы: стилистика, история русского литературного языка.
ORCID: 0000-0002-8650-5784
SPIN: 9567-4206, AuthorID: 1276243
E-mail: egorova3058@gmail.com

Поступила в редакцию 13.03.2026;
одобрена после рецензирования 05.05.2026;
принята к публикации 05.05.2026;
опубликована 23.06.2026.

Information about the author

Svetlana S. Egorova,
Scientific Research and Design Institute of the General Plan of the city of Moscow (Moscow, Russia).
125047, Moscow, 2nd Brestskaya street, 2/14.
Main specialist in organizing congress events. Candidate for a scientific degree.
Research interests: stylistics, history of the Russian literary language.
ORCID: 0000-0002-8650-5784
SPIN: 9567-4206, AuthorID: 1276243
E-mail: egorova3058@gmail.com

The article was submitted 13.03.2026;
approved after reviewing 05.05.2026;
accepted for publication 05.05.2026;
published 23.06.2026.

Ссылка для цитирования: Егорова, С.С. О лексическом просторечии в рассказе Н.В. Успенского «Хорошее житье» (1858) // *Филологос*. 2026. № 2 (69). С. 83–90. DOI: 10.24888/2079-2638-2026-69-2-83-90.

For citation: Egorova, S.S. About the lexical vernacular in the story of N.V. Uspensky "The good life" (1858) // *Philologos*. 2026. No. 2 (69). Pp. 83–90. DOI: 10.24888/2079-2638-2026-69-2-83-90.

Права: © С.С. Егорова (2026). Опубликовано Елецким государственным университетом им. И.А. Бунина. Открытый доступ на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0).